

С.О. Прокофьев
Анни Ян

"Антропософия в современном мире"
№13 декабрь 2004
Перевод с нем. Алексея Жукова

11 октября 2004 года в 10 часов 30 минут на 81 году жизни после недолгой болезни переступила порог духовного мира Анни Ян.

Многим антропософам старшего поколения она, долгие годы прожившая в Дорнахе, была, прежде всего, известна своей глубокой связанностью с Россией и Грузией.

Тишина

Остановилось время в тишине
И тихо умирает.
Снаружи ночь...
Наполнил все покой.
И круг друзей в тиши
Ждет, бодрствуя...
Ты ж шествуешь все дальше.
Уста твои молчат,
Не слышны речи,
Но оживает СЛОВО,
Когда в известный час
Нас тишина
Разбудит светом
И приоткроет тайну

Рут Дубах, Дорнах, октябрь 2004

Детство и юность в Австрии

Анни Ян родилась 9 июля 1924 года в местечке Кляйн-Хаугсдорф, что лежит в Нижней Австрии, на границе с Чехией. Похоже, что даже само место рождения по-своему предвосхитило то отношение к Восточной Европе, которое позднее стало содержанием ее жизни.

Ее отец был техником, а мать работала в аптеке. Оба родились и выросли в Вене, но хотели жить в деревне и собирались заняться чем-то новым. И вот в том самом нижнеавстрийском местечке им удалось приобрести крестьянское хозяйство. Отец Анни, которого новые соседи ценили не только как уроженца столицы, но и как человека "сообразительного", вскоре был избран бургомистром. Он был одарен и художественными талантами: писал пьесы, разучивал и ставил их вместе с односельчанами. На выручку от спектаклей удалось построить небольшую часовню. Вскоре после того, как часовня была освящена, Анни Ян стала первым ребенком, которого там крестили.

Даже в раннем детстве Анни была склонна к "путешествиям". Как-то раз случилось так, что Аннерль (так ласково звали ее старшие) вдруг пропала. Искали ее по всему двору и уже подумали, что она была украдена цыганами. К поискам активно подключилась полиция, но и это не принесло успеха. Когда отец чуть позже пошел дать коровам сена и стал вилами сбрасывать его вниз с сеновала, он наткнулся на какой-то твердый предмет.

Это была мирно спящая в сене Анни. Все были удивлены тому, как малое дитя смогло так высоко забраться. Так, по ее собственным словам, уже в ранние годы она "давала работу" своему ангелу-хранителю.

Когда сестра Маргарете, которая была на 5 лет старше нее, должна была пойти учиться, семейство Анни переехало в Мархэгг в окрестностях Вены, поблизости от границы со Словакией, неподалеку от Братиславы. В этом городке Анни позже тоже ходила в школу. После "присоединения" Австрии к Германии, произошедшего в годы фашизма, Анни Ян смогла переехать в Мюнхен, чтобы учиться там домоводству. Вероятно, в это время она начала заниматься и испанским языком, потому что уже в молодые годы она чувствовала, что ей предстоит исполнение определенной задачи в Южной Америке.

Однако судьба поначалу направила ее на восток Европы. В фашистской Германии молодые женщины должны были в обязательном порядке отбыть на общественных работах один год. Его Анни отработала в крестьянском хозяйстве в Чехии. Затем ей пришлось переехать в польский город Катовице, где она проходила так называемую вспомогательную военную повинность. Это время она жила в благочестивой католической семье.

По окончании войны Анни вернулась в Вену и работала, в том числе, в одной мастерской, где делали детские игрушки и матерчатые куклы. В это время на правах домашней учительницы она жила в одном благородном семействе и интересовалась новыми идеями в педагогике. Этот интерес привел ее в 1953 году на доклад руководителя одного заведения для глухонемых - антропософа, который был знаком с доктором Раймаром Теттером. Через него Анни Ян познакомилась с антропософией и антропософским обществом в Вене, уже в тот же год став его членом. Для нее сразу же стало ясно, что этот новый мир был ее миром, и только ради него хотела она теперь жить.

Дорнах

В 1954 году Анни переехала в Дорнах, где сначала окончила семинар для вальдорфских учителей, а затем скульптурную школу Рауля Ратновского. На семинаре преподавал очень высоко ценимый ею педагог - Рудольф Гроссе. С ним и его коллегой по работе в правлении Антропософского общества австрийцем Фридрихом Хебелем Анни с тех пор ощущала особенно глубокую связь.

Параллельно с учебой в Дорнахе Анни занялась изучением ткацкого искусства в Базеле. В этой области ей удалось продвинуться довольно далеко, так что вскоре она сдала экзамен на мастера. Вслед за этим она открыла на Херцентальштрассе в Дорнахе свое ателье. Здесь она одной из первых стала красить шерсть растительными красками и обратилась к созданию красочных "полотен" из шерсти. Ее мастерская вскоре стала оживленным центром, где многие люди, позже и те, кто приезжал из Восточной Европы, всегда находили приют, душевную и духовную поддержку.

Через 19 лет Анни переехала вместе со своей мастерской в другую часть Швейцарии - Бернер Оберланд, а затем в австрийский город Грац, где на протяжении 4 лет она работала классной учительницей в местной вальдорфской школе. Когда в начале 1990-х годов она завершила свою деятельность в области художественного ткачества, все станки из мастерской она раздарила. Самый большой из них отправился - как и следовало ожидать - на восток: в лечебно-педагогическое заведение города Симерия в Румынии. В рамках секции изобразительных искусств Анни Ян провела немало семинаров и других мероприятий, посвященных искусству ткачества, различным видам рукоделия, а также мистериям Грааля. Последняя тема сопровождала ее на протяжении всей жизни и определила ее постоянно растущий интерес к творчеству Рихарда Вагнера, а в конце ее жизни - к индивидуальности друга и покровителя великого музыканта - короля Людвига II Баварского.

В последние годы Анни проживала в деревеньке Чингель (область Бернер Оберланд), в доме, из которого открывался чудесный вид на три знаменитые вершины Швейцарских Альп: Айгер, Мёнх и Юнгфрау. Здесь, в Чингеле, она надеялась завершить свой земной путь, но прожить эти годы, как и всегда, самым активным образом. Так, например, она хотела организовать на озере Тун культурный центр- своего рода новый вагнеровский Байройт. Она действительно смогла настолько воодушевить целый ряд людей своими планами, что в один прекрасный момент то, что казалось сначала чем-то спустившимся из мира фантазии, вдруг начало обретать совершенно реальные контуры. Здесь, в Чингеле, в ее гостеприимном доме многие приезжие из России, Грузии, Армении, Украины имели возможность в любое время года совершенно бесплатно и со всеми удобствами провести несколько дней отдыха. Сама же она жила только на небольшую пенсию.

Анни Ян была очень хорошо знакома с жизнью в Советском Союзе и с теми опасностями, которые поджидали там людей, связанных с антропософской работой. Поэтому она часто говорила, что если у друзей в России и Грузии на этом пути возникнут серьезные препятствия, то она добьется для них права жить и заниматься этой работой в Швейцарии.

Однако судьба распорядилась так, что Анни пришлось снова вернуться в Дорнах, а затем в Арлесхайм - в те места, которые всегда оставались ее духовной родиной.

Случай из военных лет

Центральным мотивом в жизни Анни Ян, без сомнения, было ее отношение к Восточной Европе и Кавказу - прежде всего, к России и Грузии. Она была тем человеком, который, несмотря на железный занавес, невзирая на все трудности и препятствия, установил первые контакты с русскими и грузинскими антропософами. Однако это отношение к Востоку поначалу было непростым и исполненным настоящего драматизма.

В апреле 1945 года, незадолго до завершения Второй мировой войны, семейство Ян вместе с Ирменгард, сестрой Анни, которая была на девять лет моложе нее, вынуждено было перебраться в местечко Вальдфиртель на границе с Чехией. Вскоре туда переехала из Мюнхена и Анни. Вся семья вдруг оказалась в советской зоне. Еще до прихода русских войск в округе разнеслись слухи о том, какими катастрофическими последствиями - особенно для женского населения - могло обернуться пребывание этих войск на завоеванной территории. Поэтому семья с тремя дочерьми чувствовала себя в этих обстоятельствах особенно уязвимой. Когда первая группа солдат постучала в дверь дома, обе младшие сестры убежали на второй этаж. Ирменгард забралась под кровать, а Анни схватила опасную бритву отца и спряталась в большом шкафу для одежды.

Когда русская речь зазвучала громче и солдаты вошли в комнату, 21-летняя Анни вскрыла себе вены на обеих руках. Так она стояла, затаив дыхание, пока не потеряла сознание и, истекая кровью, не выпала из шкафа. Солдаты были потрясены видом залитой кровью девушки. Получилось так, что именно они оказали ей первую помощь и, в общем-то, спасли ей жизнь. Они забинтовали ей руки, и когда она еще лежала без сознания, прикрепили у нее на груди листок бумаги с несколькими словами, написанными по-русски. В записке говорилось, что этой девушке никто не смеет сделать ничего плохого. Все это видела младшая сестра, прятая под кроватью.

Эта трагическая история подействовала на Анни так, что первое время она ничего не хотела знать ни о русских, ни о Востоке Европы, ни о чем подобном. Но после знакомства с антропософией она все чаще наталкивалась в трудах Рудольфа Штейнера на высказывания, в которых он говорил о сущности и задачах русских людей, в особенности о важности духовной связи между Центральной и Восточной Европой для будущего человечества.

Путь в Восточную Европу

Однако до той поры, когда в ее душе произошел внутренний переворот, прошло более 20 лет. Это было в 1967 году в Финляндии. Находясь там и всё снова обращая свой взгляд в сторону России, Анни Ян однажды совершенно ясно увидела задачу всей своей последующей жизни: построить антропософский мост между Центральной и Восточной Европой через железный занавес. В том же году ее подруга юности Карла Кинигер неожиданно для себя получила от Анни открытку из Сибири. Тогда, еще под строгим надзором государства, проехала Анни по всей доступной для туристов России. По ее собственным рассказам, она просто ходила по улицам и заглядывала людям в глаза, надеясь таким образом встретить антропософов. Но в то время это было едва ли возможно, поскольку работали они тогда в глубоком подполье. Так что необходимо было искать другие пути. После многочисленных и разнообразных попыток в 1968 году ей все же удалось наладить первые контакты.

В Таллине тогда жила Зинаида Зепп, вдова Отто Зеппа, первого, рекомендованного еще Рудольфом Штейнером, генерального секретаря Антропософского общества Эстонии. Ее сестра после вторжения русских войск в Эстонию бежала в Германию, и Анни Ян нашла ее. Поскольку сестры оставались друг с другом в контакте, то в один прекрасный день Анни уже сидела в таллинской квартире Зинаиды. Благодаря помощи одной из московских знакомых, которая тоже была антропософкой, вскоре после этого Анни Ян встретила с другими русскими антропософами и почти в то же самое время - с антропософами из Грузии.

Две решающие встречи

Уже после этих первых знакомств была достигнута договоренность о более представительной встрече между антропософами из Центральной Европы, России и Грузии, намеченной на лето 1969 года. И словно благодаря какому-то чуду, она действительно состоялась. Чтобы как можно менее попадаться на глаза, решено было провести ее в Пицунде, на летней даче отца Звиада Гамсахурдия.

Здесь, на берегу Черного моря, где в древности проходили столь разнообразные и глубокие мистериальные течения, сошлись антропософы из Австрии, Германии, Грузии, России. Эта встреча положила начало их регулярным отношениям и совместной духовной работе. На Рождество того же года в центре Москвы впервые - вечер за вечером - должно было совершиться совместное празднование 12 Святых Ночей. Местом собраний служила квартира Марии Александровны Скрябиной, жившей всего лишь в километре от самого Кремля. Сама она в это время в первый раз поехала в Дорнах (внешним поводом для поездки послужило посещение ее сестры в Париже). Там она передала Анни Ян ключ от своей московской квартиры. В ней за общим столом при свете свечей собирались русские и грузинские антропософы и каждый вечер работали с Анни Ян и Карлой Кинигер - австрийскими антропософками - над духовно-научными текстами Рудольфа Штейнера. С того времени и вплоть до сегодняшнего дня празднование 12 Святых Ночей стало - особенно в Москве - непрерываемой традицией. Эта встреча в Москве, которая по праву может считаться началом настоящей антропософской работы в России, на Рождество 1990 года привела к основанию российского Антропософского общества.

И еще один момент, который имел для судеб многих антропософов на Востоке особое значение. Во время московской встречи на Рождество 1969 года впервые в России каждый вечер читалась Медитация Камня Основы Рудольфа Штейнера по-немецки и по-русски. С этого момента эта медитация и работа над ней получили распространение среди российских и грузинских друзей.

С тех пор Анни Ян все чаще бывала в России, где летом 1977 года с ней познакомился и автор этих строк, что послужило началом многолетней дружбы, продлившейся до конца ее жизни. Позже пути Анни Ян чаще вводили ее в Грузию. Но отправляясь на Восток, она

всегда брала с собой столько книг Рудольфа Штейнера, сколько могла унести, вполне сознавая, какая опасность была с этим связана.

Служение людям

После падения железного занавеса, когда стали возможны поездки на Запад, Анни Ян старалась помочь как можно большему числу восточноевропейских антропософов увидеть Гетеанум. Многие друзья из России, Украины, Грузии, Армении, приезжая в Дорнах, пользовались ее помощью, находили у нее ночлег, добрый совет, посредничество при общении с местными чиновниками, а также - и не в последнюю очередь - материальную поддержку. Само собой разумеется, она на свои скромные доходы не могла одна осилить финансовую поддержку всех своих многочисленных друзей. Тогда она находила других людей, готовых помочь. И если ее самоотверженное служение порой принимали без должной благодарности (а иногда ее безграничной готовностью помочь и просто злоупотребляли), она сама продолжала непоколебимо выполнять свою задачу. Всякому, кто приезжал из Восточной или Южной Европы, она обязательно должна была и хотела помочь. Вскоре это стало известно не только среди антропософов, но и среди их неантропософских знакомых от Москвы и Тбилиси до Парижа. И теперь перед дверью ее дома постоянно - нередко даже ночью - появлялись русские и грузины: без денег, без крыши над головой, часто даже без необходимых документов - и никто из них не уходил от Анни Ян, не получив какой-либо помощи, поддержки, а часто и жизненно важного совета. А когда кто-нибудь из посетителей, даже не сказав спасибо, просто исчезал, то она любила повторять: ведь это же русские, за ними будущее, а я уже стара, мне благодарности не нужно.

Но все же справедливости ради следует сказать, что немало людей, которым она так беззаветно помогала, оплатили ей за это искренней и многолетней дружбой. При всем этом Анни часто и охотно смеялась, была человеком с большим чувством юмора, что наряду с терпением, особенно в общении с людьми из Восточной Европы, просто необходимо.

Последние годы

Лишь в поздние годы Анни Ян смогла наконец осуществить другую свою мечту. В начале 1980-х годов она на многие месяцы уехала в Южную Америку. Там ей удалось побывать в шести странах - иногда самыми невероятными путями, порой пересекая совершенно непроходимые места. Всюду, где только было возможно, она проводила семинары по искусству живописи и пластики. Даже если ей, быть может, и не удалось непосредственно посеять там семена антропософии, то в ее сознании на протяжении всей жизни жила путеводная мысль, что духовное будущее человечества, которое Рудольф Штейнер связывает с VI и VII культурными эпохами, географически имеет отношение к двум областям Земли: на Востоке - к славянско-кавказской, на Западе - к южноамериканской.

В Анни Ян жило сознание великого будущего человечества, охватывающее целый мир, протянувшийся от Москвы и Тбилиси до Лимы и Сантьяго-де-Чили, - сознание, связанное с задачей, выполнению которой она оставалась верна до самого конца: воздвигнуть мост, устремленный из Центральной Европы в будущее.

При встрече с Анни Ян каждый человек был прежде всего поражен почти прозрачными голубыми глазами, казавшимися совершенно бесстрашными. Когда она бывала чем-то воодушевлена, то из них начинал струиться свет, они словно загорались внутренним огнем. Обращала на себя внимание и красота ее рук. Нежные и тонко сформированные, это были руки художественно одаренного, глубоко чувствующего человека. Но в то же время это были сильные руки ткачихи, которая на протяжении целой

жизни сплетала в единое целое не только земные, но - что еще важнее - небесные нити бесчисленных судеб людей из разных частей мира: с Востока, Запада и из Центра Европы. Она сплетала их вместе в своем сердце и так несла в нем до конца своей жизни... для будущего.

В небесном свете ее глаз, в художественной утонченности ее рук таилась огромная духовная сила, сила человека Центральной Европы, который оказался способен преодолеть железный занавес - совершить поступок, имеющий поистине духовно-историческое значение.